

ЦИТАТЫ ДЛЯ АКАДЕМИКА

В записи «одной, но пламенной страсти» трудно избежать не только стилистических, но и явных фактических перекосов. Так, по мнению Ф. Г. Углова, «нет никаких оснований сомневаться в том, что во многом благодаря ленинскому закону о запрете производства и продажи алкоголя мы... быстрыми темпами восстановили свое разрушенное империалистической и гражданской войной (так в тексте.— Л. О.) хозяйство». Напротив, есть все основания сомневаться в этом. Широко известно высказывание Сталина насчет того, что именно с целью накопления средств для восстановления хозяйства и индустриализации «ленинский закон» был... отменен. Сегодня, разумеется, можно спорить, насколько верна и нравственная идея финансировать социалистические преобразования «алкогольными» деньгами, но таковы исторические реалии. И не след их пересписывать — даже в интересах пропаганды трезвости.

Равным образом утверждение Ф. Г. Углова: «Принудительная трезвость, введенная в 1914 году, привела страну к полному трезвлению со всеми его благоприятными последствиями» — приходит в противоречие и с известными фактами, и с его же тезисом, согласно которому в капиталистических странах «подобный закон не мог быть проведен в жизнь в силу эксплуататорских (так в тексте.— Л. О.) условий жизни».

И уж совершенно необъяснимой выглядит оценка современной алкогольной ситуации, из которой исходит уважаемый академик. У него выходит так, будто за последние два года в стране ничего не изменилось. Он пишет: «Если подобный (какой — вчерашний или сегодняшней?) — Л. О.) уровень потребления алкоголя просуществовал еще несколько лет, процесс деградации нашего народа может принять необратимые формы». Или: «...Продолжается продажа этого яда в неограниченном количестве». Так-таки «неограниченном»? Складывается впечатление, что Ф. Г. Углов просто не желает замечать серьезного поворота антиалкогольной политики, обозначенного партийно-государственными документами 1985 года. Поистине, над вымыслом слезами обольщусь...

Желчная это логика: чем хуже — тем лучше. Лучше для собственной системы аргументов, превратившейся в застывшие стереотипы. Для нагнетания настроений надрыва и разочарования, побуждающих не к выдержке, терпению и готовности к долгой, кропотливой работе, а к импульсивной реакции в духе шеддинского градоначальника: «Не потерплю!».

От «иноверцев» к Сикорскому, от Сикорского напрямую к скрытым силам, фантастическим домыслам и преступным действиям чуждых нам и нашему строю, опасных людей — вот кривая, истинное значение которой лишено даже налета эзотеризма. Лишним свидетельством тому — эпизод, описанный в статье секретаря Ленинградского писательского организации Г. Петрова «Так вы пробиваетесь к правде?». Речь идет о небезызвестной «научной» конференции в Ленинградском университете, среди участников которой наряду с лидером «Памяти» Д. Васильевым и другими был и Ф. Г. Углов. Как водится, задавались определенными сортами вопросов, один из них звучал так: «Какова роль евреев в заговоре против русского народа?».

«Каждому порядочному человеку, — пишет Г. Петров, — понятно, как следует отвечать на подобные провокации. Но Ф. Г. Углов из возможных вариантов ответа выбирает:

— Они автографов не оставляют». «Вторичность» ответа сомнений не вызывает. Неясно лишь, кого на сей раз цитирует почтенный академик.

Лев ОВРУЦКИЙ

НАШИ НЕДОСТАТКИ СУТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ НАШИХ ДОСТОИНСТВ — ЭТОТ ТРИУИЗМ НЕВОЛЬНО ВСПОМИНАЕШЬ, ЧИТАЯ НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ КНИГ И СТАТЕЙ Ф. Г. УГЛОВА. ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ХИРУРГ, АКАДЕМИК АМН СССР, ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ, НЕ МЕНЕЕ ИЗВЕСТЕН ОН КАК ГОРЯЧИЙ ПРОПОВЕДНИК ТРЕЗВОСТИ. МНЕ ПРИХОДИЛОСЬ СЛУШАТЬ ФЕДОРА ГРИГОРЬЕВИЧА; СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ: ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ВЫЗЫВАЮТ СТОЛЬ БУРНУЮ РЕАКЦИЮ АУДИТОРИИ, ЧТО КУДА ТАМ ПУГАЧЕВОЙ ИЛИ ЛЕОНТЬЕВУ.

Статья — вот чего не хватает нашей пропаганде, трезвеннической в том числе. Слишком привыкли мы говорить одно, думать другое, делать третье. При таком «настроении» — откуда взяться-то эмоциям? Они ведь там, где спор. А где задано было казенное единодушие, там писатель пописывал, а читатель, по-настоящему, почитывал.

Когда же страсть пропагандиста становится недостатком? Один из возможных ответов: когда он оперирует ложными оценками и сомнительными фактами. Откройте книгу Ф. Г. Углова «В плену иллюзий», изданную в 1985 г. «Молодой гвардией» (огромным, кстати, тиражом), на с. 31, и вы с изумлением прочтете: «Владелец кабака, чаще всего **иноверец** (подчеркнуто мной.— Л. О.), пользуясь опытным посетителем...» и т. д. Не ищите кавычек, это авторский текст. Иноверец... Какое, милье, сегодня тысячелетие на дворе?

Подобное можно было бы счесть за случайную оговорку, терминологическую небрежность. Тем более что в последующих двух изданиях 1986 г. книги слово это (из лексикона Святейшего синода?) опущено. Однако осталась «иноверческая» точка зрения, остались попытки подкрепить ее «фактами».

«Значительное число питейных заведений в России, — пишет Ф. Г. Углов, — принадлежало еврейскому торговому капиталу. В одной Минской губернии он владел 1548 питейными заведениями из 1630». Эти данные автор заимствовал из работы дореволюционного экономиста А. П. Субботина (впрочем, не называя его). Но вся штука в том, что Субботин говорит о питейном капитале лишь в так называемой черте оседлости, куда входила и Минская губерния. Что же касается собственно российских губерний, то в них доля еврейского питейного капитала не достигала и двух процентов. Скажем, в Московской губернии из 4965 питейных заведений еврейскому капиталу принадлежало... два, в Нижегородской — три, в Ярославской и Петербургской — ни одного. Выходит, в одних губерниях простой народ сплавлял «иноверцы», в других — этот ненавистный... царизм.

На грустные размышления наводят и ссылки автора на И. А. Сикорского, ими просто изобилует книга. Доходит до курьеза: даже отрывок из сценария «Киропедии», не раз изданной в советское время, снабжен примечанием: «Цит. по И. А. Сикорскому». Ф. Г. Углов с почтением называет его «замечательным ученым», «известным психиатром». Что ж, в истории науки этот человек действительно оставил след, но известность его — геростратова.

Киев, сентябрь 1913 года. Суд приятных слушает дело по обвинению Менделя Бейлса в убийстве мальчика Андриус Ющинского с ритуальной целью. Смысл процесса был откровенно разъяснен печатным органом черной сотни: «Правительство обязано признать евреев народом столь же опасным для жизни человечества, сколь

опасны волки, скорпионы, гадюки, пауки ядовитые и прочая тварь...».

С этим людоедским суждением полностью солидаризовался профессор Сикорский, выступивший на процессе в качестве эксперта. Его, с позволения сказать, «экспертиза» была по самым высоким ставкам оплачена из секретных фондов департамента полиции. Что же касается оценки общественным мнением «научного вклада» Сикорского, то она была на редкость единодушной. В. Д. Бонч-Бруевич: «Вся его экспертиза, являясь сплошным недоразумением с научной точки зрения, дышит таким человеконенавистничеством, таким изуверством...» Профессор В. П. Сербский: «В экспертизе Сикорского наука... и не ночевала... Это — сложное квалифицированное злодеяние, которое тщательно обдумано и планомерно исполнено». В. Г. Короленко: «Сикорский вместо психиатрической экспертизы стал читать по тетради собрание изуверских рассказов, ничего общего с наукой не имеющих». Петербургский журнал «Современная психиатрия»: «Экспертиза позорная и не соответствует самым элементарным научным требованиям». Московский «Журнал невропатологии и психиатрии»: Сикорский «скопрометировал русскую науку и покрыл стыдом свою седую голову».

Конечно, это — дела давно минувших дней. И все же, что за нужда заставляет сегодня черпать из столь мутного источника соображения о социальных причинах пьянства в царской России или о воздействии алкоголя на нервную систему человека?

Поразмыслить над парадоксами диалектики достоинств и недостатков увлеченности заставляет и недавняя статья Ф. Г. Углова в защиту «сухого закона», опубликованная в «Нашем современнике» (1987, № 7). Стоит ли говорить, что и в ней не обошлось без дежурной ссылки на Сикорского? Но речь пойдет о другом.

Жирным шрифтом в статье выделяются имена шести ученых и публицистов, «слепых поводырей», как с библейской экспрессивностью характеризует их автор, которые «многого добились, насаждая пьянство в стране». Трех из них, упомянутым только по фамилии (ввиду их полной, надо полагать, одиозности), придется утешиться тем, что по крайней мере сами-то фамилии воспроизведены верно. То есть с прописной буквы.

Но не пустое ли это дело, искусственно вычленив антиалкогольную (точнее, алкогольную) политику, которая велась до 1985 года, из застойного общеполитического контекста? Суть ведь не только и не столько в проповеди культурпитейства, сколько в соответствующих директивных указаниях, каковые эта проповедь обслуживала. Чего проще свести проблему к персоналиям и, уподобившись Паниковскому и Шуре Балаганову, трясти друг друга за грудки: «Ты кто такой? И чем занимался до 17 мая 1985 года?».

Время, сказал поэт, переломное, а не костоломное. Возложить вину на нескольких ученых и журналистов — значит блокировать видение реальных

причин многолетней алкоголизации страны. И реальных последствий, из которых важнейшее с точки зрения перспектив трезвления заключено в глубоко укоренившихся питейных традициях и обычаях. Пребывать в уверенности, что «сухой закон» — это золотой ключик от врат трезвости, значит обречь себя на состояние, обозначенное заглавием собственной книги.

Ленин писал о страшной инерционной силе вековых привычек, «предрассудков миллионов» и предостерегал от опасности принять изжитое для авангарда за изжитое для масс. Именно в такую ошибку впадает уважаемый академик, утверждая, что «наш народ в своем абсолютном большинстве осознает всю опасность, нависшую над нами, и готов к трезвому образу жизни. При этом не только готов, но и с нетерпением ждет такого решения».

Увы, это пока еще не совсем так. Вернее, совсем не так. Объективные данные социологических исследований общественного мнения не могут быть опровергнуты результатами «многочисленных бесед с людьми различных социальных групп и образовательного ценза», которые вел и на которые ссылается Ф. Г. Углов. Например, опрос, проведенный М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги, показал, что значительное число людей относит себя к сторонним наблюдателям за развернувшимся антиалкогольным движением. Характерно, что даже среди непыющих молодых людей только немногим более трети выступили за «сухой закон».

Под пером Ф. Г. Углова трезвость приобретает угрюмые и так узнаваемые черты догматического стремления насильно облагодетельствовать человека. Не мир пришел вам принести, но... трезвость...

Прикосновение догмы парадоксальным образом трансформирует научную полемичку в брань, законное нетерпение — в нетерпимость, а энтузиазм — в фанатизм. Вслушайтесь в лексику: «...Настоящие коммунисты-патриоты... стремятся снизить продажу и потребление алкоголя», «...в аппарате управления сидят враги трезвости. А почему они продолжают спаивать народ — надо выяснять в каждом конкретном случае», «...подобные действия любого руководителя региона должны рассматриваться как преступные, направленные против народа», «...враги трезвости пытаются экономическими трудностями обосновать свою правоту», «...эти люди — или не знакомые с экономическими законами общества, или чуждые нам и нашему строю, опасные люди», «...фантастические домыслы», «голословные утверждения некоторых недобросовестных социологов и медиков», «...пресечь их скрытую, но, к сожалению, эффективную, разлагающую деятельность», «...уступка врагам, мечтающим о нашем уничтожении с помощью этого наркотического яда», «...истинные борцы за трезвость обращаются прежде всего к патристическим чувствам и здравому смыслу народа», ... и пр., пр. Знакомо, не правда ли? Напомню, что писано это не в 1937 или 1948 годах, а на третьем году перестройки.